

Не бросайте чемоданы в Темзу!

Говорят, Париж стоит мессы. Дело вкуса, но, думаю, Лондон стоит большего. Например, топтания на морозе возле английского посольства, заполнения анкеты с разными странными вопросами (такими, как: "Тип церемонии вашего бракосочетания?") и довольно нудного собеседования с клерками. Потом, когда самолет приземлится на берегах туманного Альбиона, еще предстоит понервничать на таможне. Но это все мелочи по сравнению с тем, что вам доведется испытать, ступив на улицы Лондона!

Вообще-то мне нужно было в Венецию, по делу. Профессия у меня довольно редкая: я - художник-кукольник. Как-то у нас в Петербурге побывали итальянцы, посмотрели мою выставку. Куклы им понравились, и они предложили показать их у себя в Венеции, где каждую зиму проходит грандиозный карнавал. И тут я решил: раз уж еду в Европу, отчего бы не побывать заодно у своих английских друзей? Так я оказался в Лондоне.

Злоключения начались почти сразу. Совершенно неожиданно, буквально накануне, к моим знакомым нагрянули какие-то дальние родственники с многочисленным выводком детишек. Это, конечно, не в английских традициях, но такое и у них бывает. Поэтому знакомые предложили мне поселиться в гостинице, в качестве извинения оплатив номер. "Начинай знакомиться со страной, - напутствовали меня, - отель - в классическом английском стиле".

Дорогие россияне! Если кто еще по чистой случайности не был в Лондоне, умоляю: никогда не селитесь в "классических" отелях! Можно, конечно, польститься на пять звездочек, но тем, кто не воспитан с детства в английских традициях, жить там будет довольно неудобно. Мой отель представлял собой часть четырехэтажного дома с маленьким холлом, выдержанным в очень строгой манере, тесными номерами и очень узенькими коридорчиками. Чтобы дойти до номера, нужно было открыть дверь, подняться по лестенке, повернуть налево, открыть другую дверь, прой(и немного по коридору, спуститься по лестенке, повернуть направо, опять открыть дверь и опять подняться. Оказывается, англичане делают такое сложное пространство и ставят столько дверей, чтобы сэкономить тепло.

Впрочем, я не собирался отсиживаться в номере, всю обстановку которого составляли шкаф, полутораспальная кровать, телевизор и маленький холодильник типа "Морозко". На следующее утро отправился гулять по Лондону. Улица, на которой располагался отель, оказалась "ресторанной", причем здесь обнаружился один английский паб (пивная с пивом и крепкими напитками, но без закуски), один французский ресторан, один еврейский и аж семнадцать итальянских! Я завернул в один из последних и решил - кутить так кутить! - заказать какоенибудь блюдо побольше и повкуснее.

Тут надо признаться, что английского я не знаю. Совсем. Так уж сложилось: со школы изучал французский, неплохо им владею, а вот с языком международного общения - напряг. Однако перед отлетом питерские друзья снабдили меня очень полезной

машинкой: карманным электронным переводчиком. Набираешь английское слово, а в маленьком окошечке появляется перевод на русский. Очень полезная вещь, жаль только, что машинка глуповата: фразы переводить не умеет, только отдельные слова. Да и то не все, как выяснилось.

Итак, усевшись за столик, я принялся изучать меню. Разобрать удалось только аналоги русских слов типа "Whiskey" и "Gin". Наконец, мое внимание привлекло название "Huge of mussels". Вытащив из кармана своего помощника, набрал первое слово. Появился перевод: "огромный". Уже хорошо. Есть хотелось просто зверски, накануне за всеми треволениями я толком не успел поужинать. Набираю второе слово. Машинка пискнула, но в окошечке ничего не появилось. Поразмышляв немного, я решил, что слово "mussels" очень напоминает русское "мослы". Может, свиные ножки? И очень большие! Подозвав официанта, сделал заказ.

Прошло примерно полчаса, я уже решил, что свинью не иначе как режут прямо на заднем дворе, как вдруг появилось аж два официанта, которые торжественно поставили передо мной гигантскую кастрюлю. Я резко сорвал с нее крышку, и... увидел кучу вареных мидий, которые ненавижу с детства! Дорогие россияне, отправляясь в чужие страны, позаботьтесь хотя бы захватить особой англо-русский словарь потолще!

Кое-как проглотив несколько мидий и запив их неплохим кофе, я отправился осматривать город. Побродив по улицам, решил, что таким образом увижу немного и лучше начинать с известных достопримечательностей, до которых удобнее всего доехать на такси. В Лондоне их два вида: черные, классических форм государственные, и разноцветные разномастные - частные. Изучив коекакие брошюры, я знал, что частники берут дешевле, поэтому остановил колымагу пятидесятих годов выпуска, за рулем которой сидел белозубый негр. Усевшись на заднее сидение (на переднем пассажиров не возят, в лучшем случае там помещается багаж), я уверенно назвал направление: "Гайд-парк!" Негр посмотрел на меня с таким выражением, словно собирался спросить: "А где это?". Потом разложил на коленях карту города и так дернул свой рыдван, что я чуть не въехал носом в спинку его сидения.

Ехали мы минут сорок, причем водитель больше смотрел в карту, чем на дорогу. Гайд-парк оказался довольно обширным местом со множеством заснеженных английских газончиков и довольно редкими деревьями. Вопреки холодной погоде здесь обнаружилось множество любителей бега трусцой. Я, конечно, сразу же отправился разыскивать знаменитый Speaker Corner. Уголок оратора оказался пустынным, несмотря на выходной день. Только какой-то молодой человек взгромоздился на бак для собачьих фекалий (именно их используют здесь в качестве трибуны) и, протянув мне фотоаппарат, жестами попросил запечатлеть его на бастионе английской демократии. Запечатлевался он почему-то в позе Владимира Ильича, с протянутой вдаль рукой.

В тот день я побывал еще возле Букингемского дворца, смотрел смену караула. Гвардейцы весьма забавно выглядят в своих гигантских медвежьих шапках и юбочках, препотешно маршируют и смешно отдают приказы. Но во всех подробностях увидеть это можно только по телевизору, так как никто из многотысячной толпы у дворца не

способен видеть сквозь спины друг друга.

Обратно в отель ехал на метро. Его здесь называют Underground (подземка) или Tube (труба). Карточка на одну поездку стоит целый фунт. Лондонское метро - самое старое в мире. Кстати, это заметно. Станции еще туда-сюда, а вот переходы - туннели жутковатого вида, с грязными разводами по стенам, кое-где, впрочем, прикрытые рекламными щитами. Побывав в "трубе", начинаешь понимать, почему иностранцы так восхищаются московским или питерским метро. Поезда очень странной конструкции: крыша вагона заметно скошена вниз у дверей, так что человеку даже обычного роста непосредственно у выхода стоять довольно сложно. Не менее сложно разобраться в хитросплетении линий и попасть на нужную станцию, тем более, что названия их никто не объявляет. И еще: говорят, в лондонском метро процветают разбой и грабежи, во всяком случае, об этом постоянно напоминают по громкоговорителю. Меня, впрочем, Бог миловал.

Подсчитав свои траты за день, я ударился в легкую панику и решил завязывать с кутежами. Воспоминание о недоеденных мидиях терзало сердце, а еще больше - желудок, однако я решил ограничиться вечерним чаепитием, благо в номере присутствовали электрический чайник, чашки, набор разных заварок и сахар.

Нежданные родственники терзали моих знакомых еще три дня. Может быть, оно и к лучшему, так как, предоставленный сам себе, я блуждал по английской столице, если можно так выразиться, без руля и без ветрил. Не стану утомлять читателя описанием лондонских достопримечательностей - их можно найти в любом путеводителе. А вот некоторыми собственными впечатлениями хочу поделиться.

Решил навестить Шерлока Холмса. Бейкер-стрит оказалась ничем не примечательной улочкой. На ней находится маленький музей Конан Дойля (но он был закрыт) и магазинчик, где можно приобрести сувениры: старинный граммофон, картину с морским пейзажем, брелок с мордой собаки Баскервилей и кока-колу. Что и говорить, рижская Бейкер-стрит мне понравилась гораздо больше, как и вообще наш фильм о знаменитом сыщике по сравнению с английским.

Музей Мадам Тюссо тоже не произвел особого впечатления. Во-первых, он довольно маленький. Во-вторых, куклы, как правило, очень мало похожи на оригиналы. Горбачева, к примеру, я узнал только по пятну на лысине. Единственное, что там производит действительно большое впечатление, - это пятиминутный аттракцион в самом конце экспозиции: вас сажают на небольшой автомобильчик, который по рельсам проезжает несколько залов с движущимися куклами. Вот там все очень здорово сделано.

Больше всего, пожалуй, запомнились разные таблички с надписями. На раковине в ванной комнате моего номера, например, стояла картонная бумажка, где был написан трогательный текст: "Доводим до сведения постояльцев, что при использовании стирального порошка, часть его попадает в мировой океан, отчего там дохнут дельфины. Поэтому, если Вы хотите сохранить жизнь дельфинам, оставьте бумажку на этом месте в знак того, что Вы просите не менять в Вашем номере полотенца каждый

день!" Как-то, свернув с Ливерпульской улицы на Кэннон, миновав Собор Св.Павла по Стрэнд Флит и перейдя на другой берег Темзы через мост Ватерлоо, я обнаружил стоящий под мостом на приколе корабль-ресторан типа наших "Поплавков". На нем имелась большая надпись, которую я переписал в блокнотик. Как потом оказалось, написано было следующее: "Извините. Не стоит бросать в воду никакие предметы, включая чемоданы и Ваших друзей. Впрочем, и Вас самих тоже. Пожалуйста." Английский юмор в сочетании с английской вежливостью!

Наконец, собрав многочисленное потомство, родственники друзей отбыли куда-то в Шотландию, и я смог переселиться из надоевшего номера "классического" отеля в не менее классическое приватное английское жилище. Его архитектура и размеры были вполне типичны для Лондона. На первом этаже располагались: узенький коридорчик при входе, гостиная, величиной метров пятнадцать (зато с камином!) и тесная кухонька, метров пяти. На втором этаже находились две небольшие спальни (в одну из которых меня поселили) и довольно большая ванная комната. И на третьем этаже были еще две малюсенькие комнатки. Таким образом, общая площадь этого трехэтажного дома едва превышала размер нашей "сталинской" трехкомнатной квартиры. При этом в жилище обитали муж, жена и двое детей. Где здесь смогли разместиться родственники с пятью (!) сорванцами в возрасте от шести до пятнадцати лет навсегда осталось для меня тайной.

Мои английские друзья оказались людьми крайне гостеприимными. Причем это гостеприимство распространялось не только на меня: уже на следующий день соседнюю спальню занял рыжебородый молодец с лицом, сплошь покрытым веснушками. Звали его Вик, по национальности он был немец, по профессии - музыкант. Причем не простой: играл на ретро-инструменте, именуемом эль-удом. Это нечто среднее между гитарой и лютней, внушительных размеров, с грифом, загнутым на конце каким-то изысканным крендебобелем. Инструмент арабский, завезенный маврами в средние века в Испанию. Звуки он издает жалобные, но весьма приятные.

С Виком мы быстро подружились. Он неплохо говорил по-французски, так что мне даже удалось растолковать ему смысл классического русского вопроса: "Шура, можно я спрошу вас как художник художника?.." Вик оказался большим любителем пива (еще бы, немец все-таки!), и мы с ним совершили несколько увлекательнейших экскурсий по лондонским пабам. А потом случилась роковая вечеринка.

Собственно то, что она окажется роковой, выяснилось позже. В тот вечер, выражаясь в английской манере, "мы очень мило провели время" у потрескивающего камина. Говорили о встрече Нового года - 2000, который, по убеждению наших хозяев, начался с Нулевого Меридиана в Гринвиче. Вообще они утверждали, что лучший новогодний праздник был в Лондоне: пушечный салют у музея Империалистической войны, крейсера "Белфаст", Королевских казарм, Королевской конной артиллерии, Тауэра и Королевского Арсенала, лазерная арка, соединившая Александровский и Хрустальный дворцы, карнавальные шествия и представления на лондонских мостах, торжественные службы в Вестминстерском Аббатстве, Вестминстерском Соборе, Соборе Святого Павла... Вик отстаивал честь "континента" и ехидно интересовался, отчего

разрекламированное гигантское колесо обозрения в Лондоне так и не было запущено.

Детям строго-настрого было приказано не спускаться с третьего этажа, а взрослые, выражаясь в манере отечественной, "оттянулись в полный рост"... Дорогие россияне! Исходя из собственного опыта, заклинаю: никогда не мешайте виски с "Зубровкой", это может изменить ваши планы коренным образом! Что со мной и случилось.

Проснувшись на следующий день, как всегда от холода (верхние комнаты в английских домах, как правило, не отапливаются), я долго смотрел на поблескивающую в лучах утреннего солнца инкрустацию эль-уда, мучительно соображая, как он попал в мою спальню. При дальнейшем расследовании выяснилось, что попал не инструмент, а я - в чужую спальню и скверную историю. Короче говоря, мы так набрались с Виком накануне, что перепутали комнаты. В этом не было бы большой беды, если бы Вик рано утром, опаздывая на самолет, не умчался в аэропорт Хитроу и не вылетел бы оттуда в неизвестном направлении. Вместе с моим чемоданом. И тут я пожалел о "железном занавесе". В самом деле, мог ли еще лет десять назад чемодан, купленный мною в Гостином дворе в Петербурге оказаться как две капли воды сходным с тем, который Вик приобрел у себя в Штутгарте! А между тем так и случилось. Бог бы с ним, с чемоданом, но в нем были мои куклы - те, которые я вез в Венецию! И еще там были деньги, в маленьком потайном карманчике. Я, по своей тупости, до сих пор не могу разобраться со всеми этими кредитными карточками, они у меня вызывают такое же ревнивое подозрение, как, например, компьютеры. Поэтому и захватил с собой наличные доллары, которые теперь плыли где-то высоко в небе.

Я был в отчаянии! Хотелось схватить чемодан Вика, бежать на набережную и запустить его в Темзу, назло предохраняющей надписи! А заодно утопиться самому.

Друзья названивали в Штутгарт весь следующий день, телефон, конечно, не отвечал. Когда вечером я, злой и усталый, вернулся с лондонских улиц, по которым бродил в полной прострации, мне сообщили, что Вик позвонил сам.

- Он хватился своего инструмента еще в самолете, - сообщил хозяин, - но повернуть его обратно не мог, в отличие от вашего премьер-министра! Теперь он специально поехал в Париж, где будет ждать тебя в отеле "Георг V".

- А чемодан?! - почти закричал я.

- Цел твой чемодан. Да что ты так переживаешь? Заодно Париж посмотришь. На континенте сейчас самое веселое время начинается: зимние карнавалы!

Знал бы мой друг, что увидеть мне придется не только столицу Франции...

"Над Парижем красно солнышко встает..."

Вокзал Ватерлоо в Лондоне столь огромен, что закрадывается подозрение - Наполеон именно здесь выиграл знаменитую битву. Путешествие "на континент", как выражаются

англичане, занимает всего часа три. Сначала любишь английскими пейзажами, затем какое-то время едешь в темноте туннеля под Ла-Маншем, после чего любишь уже французскими видами и через некоторое время торжественно въезжаешь напрямик в Париж. Единственное, что печалило во время поездки, - следы прошлогоднего буйства стихии, которые хорошо просматривались из окна вагона.

Выйдя на перрон, я, было, подумал, что обещанные карнавалы здесь прямо и начинаются. Какие-то люди в касках с картонными моделями поездов на макушках очень громко били в барабаны, дудели в дудки, улюлюкали, непрерывно при этом выпивая и закусывая. Эль-уд Вика, который я тащил на плече, сразу же привлек их внимание, и меня засыпали вопросами: "Что это за инструмент? А как на нем играют? Не хочу ли я стаканчик? Не присоединюсь ли я к манифестации?" Оказалось, манифестируют работники SNCF (французского железнодорожного транспорта), желающие сообщить Парижу о своем намерении подключиться к забастовке работников метро.

В другое время я, может быть, и выразил бы солидарность представителям французского пролетариата, но мне срочно надо было добраться до "Георга Пятого". Так как метро не работало, пришлось ехать на такси. Должен сказать, что с лихостью парижских водителей и их полным пренебрежением к правилам движения не сравнятся ни лондонские частники, ни самые крутые питерские лихачи. Такси с бешеной скоростью неслось по узеньким улочкам, каждую минуту чуть не врезаясь в пешеходов, лотки мелких торговцев, другие машины и мотоциклистов. Когда я уже окончательно попрощался с жизнью, машина взвизгнула тормозами, и таксист объявил, что мы приехали.

Фасад отеля показался мне странно знакомым. Так как в Париже я до этого никогда не был, то списал это впечатление на известное явление ложной памяти, именуемое "дежавю". И только позже понял, что видел отель "Георг V" как минимум в двадцати художественных фильмах. Уж не знаю, за что его так любят киношники.

Возле стойки я назвал фамилию Вика. Портье пощелкал клавишами компьютера, зачем-то заглянул в пухлый гроссбух и объявил, что такой постоялец у них не числится.

Это был удар ниже пояса! И настолько неожиданный, что я даже произнес несколько идиоматических выражений, не подлежащих переводу ни на один язык мира. В кармане лежали последние доллары, а до российской границы было несколько тысяч километров. И если "Кто виноват?" было для меня предельно ясно (вот тебе и знаменитая немецкая пунктуальность!), то ответ на вопрос "Что делать?" явно повис в воздухе. Оставался "автостоп", и я уже представлял себя голосующим на заснеженных трассах, затерянным и замерзающим в самом центре Европы, когда вдруг услышал, что портье называет мою фамилию, ударяя на последний слог:

- Мсье Шрагин?

- Ви! - пискнул я радостно.

- Для вас письмо.

Разорвав конверт, я прочел: "Dear Slava!" Вик, конечно, умудрился оставить послание на языке "международного общения". Впрочем, это недоразумение быстро разрешилось: портье любезно перевел записку на доступный мне французский. Смысл ее сводился к следующему. Музыкант был в отеле, но неотложные дела заставили его срочно отбыть в Страсбург. Там состоится фестиваль джазовой музыки, а без Вика может и не состояться. Поэтому Вик с извинениями приносил меня в жертву искусству, оплатив, причем, номер за сутки и оставив билет на поезд. В заключение он рекомендовал мне не тратить время даром (поезд отходил только завтра вечером) и хорошенько осмотреть достопримечательности французской столицы: "Распай, Монпарнас, Монплеизир, Дежавю, Шартрез, Фонтбло, Жевузем и Булонский лес..."

Я робко поинтересовался, не оставлен ли для меня чемодан, но чемодана не оказалось. И все же я чувствовал себя, как Робинзон Крузо, увидевший на песке человеческие следы. В номере, обклеенном обоями "под Хохлому", с удовольствием скинул мавританский инструмент, оттянувший все плечо, принял душ и отправился перекусить. Завтрак, как мне объяснили, был включен в стоимость номера, оплаченного Виком. Правда, был он весьма легким, так что я навалился на закуски, в изобилии присутствовавшие на стойке со "шведским столом". А вот то, что за этот праздник желудка нужно платить отдельно, мне объяснили только на выходе, содрав аж 60 (!) долларов (в пересчете на национальную валюту по курсу французского "Центробанка" на момент насыщения)!

Проклиная себя за неосмотрительность и прикидывая, что все эти "Распай-Жевузем" мне теперь явно не светят, я решил побывать хотя бы на Эйфелевой башне. Как выяснилось, эта светлая мысль приходит в голову большинству парижских туристов: возле подножья башни стояла огромная очередь. Ожидание скрашивала красочная процессия девушек в киверах и белых рейтузах, вышагивающая под звуки духового оркестра: очевидно, начались обещанные зимние карнавалы. Пока я глазел на это зрелище, некий живописный африканец коварным маневром лишил меня последней наличности.

Сначала я ощутил весьма чувствительный удар по затылку, потом к ногам моим что-то со стуком упало. И тут же я увидел сверкающего белками глаз и отличными зубами юношу, который, подобрав упавший предмет, принялся потрясать им перед моим носом и орать на плохом французском: "Эта птица, мсье! Оно Вас выбрал! Это, мистер, счастливый знак! Купите скорее, ведь его даже кормить не надо!" Я разглядел, что держит он жестяного голубя.

Оказалось, что чернокожих продавцов крутится здесь довольно много, и я стал далеко не первой жертвой пускаемых вдоль очереди заводных птичек.

Не знаю, обладают ли эти африканские французы секретами "Буду" или я просто сдрейфил от неожиданности, но 80 франков за "птицу мира" выложил. Таким образом, у меня осталось ровно столько наличности, чтобы подняться на вторую площадку башни,

полюбоваться оттуда в подзорную трубу великолепным видом зимнего Парижа, доехать на метро до отеля, на следующий день дать на чай носильщику и заплатить за вход в метро, чтобы ехать на вокзал. Поезд уходил вечером, и я решил провести день, прогуливаясь где-нибудь неподалеку.

Однако все вышло по другому. Под эскалатором здоровенный африканец, весь серебряный от серег и цепочек, сшибал мелочь в консервную банку. Ему было скучно, я и мой мавританский инструмент стали подходящими объектами его внимания. Он заголосил:

- Брат мой! Я же вижу по твоим украшениям, что ты мой брат!

Действительно, я ношу на запястье африканский браслет, но как он углядел! Я хотел проскользнуть мимо, но уж больно его призывы напоминали родное "митьковское": "Братушка! Ты ведь брат мне?" - и я остановился.

- Я знаю, денег у тебя нет, - заявил парижский митек. И тут же предложил: - Сыграй на своем инструменте!

"Почему бы и нет, - подумал я. Сыграю парижанам, может, что в шапку кинут. А ля гер, понимаешь, ком а ля гер!"

Надо сказать, что в парижском метро повсюду висят грозные плакаты, запрещающие уличным музыкантам практиковать здесь свое искусство. Вот под одним из них и состоялся наш импровизированный концерт: я мучил струны древнего арабского инструмента (играть на нем оказалось не сложнее, чем на обычной гитаре), а сотоварищи моего нового знакомого радостно били в барабаны и бубны, подпевая непонятным русским словам:

Над Парижем красно солнышко встает,

По Парижу красна конница идет!

По Парижу, по булыжной мостовой,

Погуляем, погуляем, брат, с тобой!

Эту песенку мы когда-то сочинили в соавторстве с одним моим питерским приятелем. Никогда бы не подумал, что придется исполнять ее в парижской подземке! Народ спешил мимо, но кое-кто останавливался, чтобы послушать и даже кинуть денежку. Знали бы они, о чем говорится в песне! Так мы помузицировали часа два я спел почти весь свой репертуар, включая "Вот мчится тройка почтовая". В сопровождении африканских тамтамов это прозвучало просто изумительно. Шапка была почти полной. Ни один ажан так и не появился.

Заработанного хватило на легкой кутеж в каких-то бистро и забегаловках: пили за

российско-французскую дружбу, и я подарил африканцам на память жестяного "голубя мира". К вечеру меня любезно доставили на вокзал, я проник в вагон и завалился спать в обнимку с эль-удом и двумя бутылками дешевого красного вина, преподнесенного напоследок парижскими митьками.

Эльзас-Венеция или "прощай, мясо!"

В честь Нормандии была названа знаменитая эскадрилья, Бордо и Бургундия известны по винным этикеткам, Гасконь - родина д'Артаньяна. Эльзас же навсегда приклеен в нашем сознании к Лотарингии. Эдакие сиамские близнецы, которых долго пытались разделить Франция и Германия.

Хитрый эльзасский народ, одинаково небрежно изъясняющийся на французском и немецком языках, забрал себе лучшее из двух абсолютно чуждых друг другу культур: любовь к виноградному вину и пиву. Линия Мажино осталась лишь в учебниках истории да в горячих сердцах местных ветеранов. Границы между странами тоже ушли в историю. Теперь Эльзас - центр единой Европы. Чисто географически и чисто политически. Здесь в столице департамента Страсбурге находятся Европейский парламент и Европейский суд по правам человека, а также Совет Европы.

За все время, пока поезд бежал с северо-запада на юго-восток, я так ни разу и не проснулся, честно проспав Шампань с ее известными винами Veuve Clicot и Moot et Chandon, Реймский кафедральный собор и знаменитые сады, столь восхищавшие Людовика XIV. Вырванный из объятий Морфея настойчивыми прикосновениями, я почему-то спросил на чистом английском (сказались лондонские денечки!): "Вот зэ мэттэ? Уже Эльзас?" На что проводник с интонациями Бэрримора ответил: "Элза-с, сэр!"

Вик встретил меня на перроне. Он сразу же бросился ощупывать и обнюхивать свое мавританское чудо, потом, устыдившись, заключил в объятия и меня. Он что-то возбужденно объяснял, перейдя от волнения на немецкий, который я совсем не понимаю. Когда мы наконец объяснились, выяснилось, что Вик приготовил для меня целую культурную программу. "Как говорят у вас, Слава, - сказал он торжественно, - нет худа без добра! Уж коль ты попал сюда, я покажу тебе нечто необыкновенное!"

И он показал. Шумный Страсбург, по монументальным улицам которого бродят уважаемые взяточники-депутаты Европарламента. Скромный Мюлуз - настоящую Мекку автомобилистов всего мира: в здешнем музее есть все - от машины на паровом двигателе Жако 1878 года, легендарных моделей Этторио Буггати до знаменитого чаплинского "Роллс-Ройса Фантом III лимузин". Замок О-Кенигсбург, откуда начинается знаменитая Винная дорога, прославившаяся отборными белыми винами "Гевюрцтрамминер", "Сильвенер" и "Мускат". Город Сульц, где расположен родовой замок баронов Дантесов: именно отсюда на ловлю счастья и чинов уехал в Россию юный повеса и сюда же вернулся, уже не один, а с молодой женой по фамилии Гончарова, по имени Екатерина...

Я оценил самоотверженность Вика. По-настоящему, ему надо было репетировать и

репетировать, так как фестиваль старинной музыки все приближался - и наконец грянул. Грянул он в городе Колмер, в последнее время оккупированном московским виртуозом Владимиром Спиваковым. На этот раз здесь было множество людей, игравших на самых невероятных инструментах. Когда Вик тронул струны эль-уда, я, право, устыдился своего парижского "концерта". Оказалось, что из древнего инструмента можно извлекать просто фантастическую музыку, а я-то терзал его как обычную семиструнную гитару в какой-нибудь питерской подворотне!

Фестиваль продолжался недолго, но оказалось - это только прелюдия. Вообще различные празднества и карнавалы сотрясают Европу с января и вплоть до Великого поста, поэтому, собственно, само слово "caravale" переводится как "прощай, мясо!" В Эльзасе же, как я понял, это дело поставлено на настоящий конвейер. Причем среди празднеств встречаются весьма экзотические: праздник улиток в Озенбахе, праздник спаржи в Хердте, ярмарка почтовых отправок в Пфаффенхоффене, праздник джема в Шатенау, праздник капусты в Орчуире и праздник горчицы в Райхстете. Не говоря уже о таких традиционных забавах поселян, как музыкальные фестивали, конкурсы самодеятельной песни, автопробеги и праздники пива.

На один из них мы и попали. И хотя Вик утверждал, что это мероприятие не идет ни в какое сравнение со знаменитым немецким Октоберфестом, я был потрясен количеством и качеством разнообразных сортов пива, которое французы, немцы и прочая пришлая публика поглощали в невероятных количествах. Причем все это проходит довольно мирно, без традиционного российского мордобоя и разборок на тему "Ты меня уважаешь?" Только раз удалось наблюдать, как некую даму, пытавшуюся страстно облобызать чучело медведя, выводили под руки. Дама вяло отбивалась и кричала "по-русски": "Вы мне это тут прекратите! За все уплочено!"

За всей этой карнавальную круговертью я чуть было не забыл, что меня ждут в Венеции. Чемодан мой оказался в целости и сохранности (надели говорить, что его содержимое - тоже), и я твердо решил сменить континентальный французский климат на морской итальянский. Денег на самолет хватало, но Вик не хотел об этом и слышать. Оказалось, его друг Петер едет в Рим на своей машине и любезно согласен закинуть меня в Венецию. Рассудив, что из окна'автомобиля больше увидишь, чем из иллюминатора самолета, я согласился.

Правда, расчеты мои не оправдались. Петер очень спешил и всю дорогу гнал по платным автобанам со стремительностью героя "Звездных войн", преследующего имперские звездолеты. А скоростные трассы в Европе почти сплошь огорожены шумоизоляционными стенками, так что увидеть что-нибудь из окна довольно трудно. Кроме того, выяснилось, что Петер говорит только по-немецки (в английском он был полный ноль, как и я), и до самой Италии пришлось проскучать, слушая металлические бряцания разнообразных рок-групп.

Я почему-то думал, что Венеция расположена как на берегу, так и в море. Оказалось, что только в море, на островах, расположенных в четырех километрах от берега. Сюда еще в IX веке бежали жители римской провинции Венетто, преследуемые варварами.

Острова соединены с берегом длинной дамбой, по которой проходят железнодорожные пути, автострада и всяческие коммуникации. Мы въезжали в город рано утром, когда по каналам на лодках развозили продукты в магазины и рестораны. Петер меня высадил, мы попрощались. Он уехал, а я отправился искать нужный мне адрес.

Это оказалось довольно непростым делом. Вообще, Венеция сродни лабиринту, особенно в районах, далеких от центра. Улицы редко бывают шириной более полутора и длиной более ста метров. Впрочем, улицы - это громко сказано. В большинстве своем они не имеют даже названия. Названия имеют только большие площади и центральные улицы. А нумерация домов - сквозная, адрес пишется, например, так: "Венеция, дом 5564". Отсыревшие стены имеют довольно обшарпанный вид: везде облупленная штукатурка, сквозь которую светит красный кирпич. Однако не могу сказать, что это мне не понравилось. Это придает особый шарм Венеции. Как и нищие - они тут, в отличие от домов, чистые и веселые.

Все эти необычные декорации дома по колено в воде, дворцы и колокольни, мосты и площади - словно специально созданы для главного действия: Венецианского карнавала, кульминации волшебных зрелищ, которыми благополучная Европа развлекает себя каждую зиму. Благодаря моим итальянским знакомым, которых я в конце концов благополучно отыскал, мне удалось побывать на репетиции карнавала, который проходит здесь в феврале. Помните фильм Феллини "Джульетта и духи"? Костюмы в фильме называют "не имеющей аналогов гениальной фантазией художников". Это небольшое лукавство. Истоки гениальной фантазии - здесь, среди воды, гондол и отсыревших стен. То, что довелось видеть на площади Святого Марка, вызывает головокружительное ощущение ирреальности: так, наверное, чувствовала себя Алиса, попавшая в небезызвестную Страну Чудес. Карнавал в Венеции имеет неуловимый привкус запредельности. В отличие от Франции, где все здорово, но как-то очень по-земному.

Не случайно Венецианский карнавал ведет родословную от римских Сатурналий, мистического праздника, когда не только пили и предавались веселому разврату, но и менялись (всерьез, пусть и ненадолго!) жизненными ролями: раб становился господином, господин - рабом, а избираемый "король Сатурналий" в конце концов кончал настоящим самоубийством.

Древние языческие тени до сих пор витают возле церкви делла Салюте на стрелке таможни, среди каменных кружев Дворца дождей, под куполом собора Святого Марка...

Что можно передать словами? Это, дорогие россияне, просто надо видеть своими глазами!